

***МОНТАНИЗМ В РИМСКОЙ СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ:
К ПРОБЛЕМЕ ВОСПРИЯТИЯ МУЧЕНИЧЕСТВА****

Самые ранние свидетельства о еретических движениях в Северной Африке связаны с деятельностью монтанистов¹. Само это название достаточно позднее, и появляется в источниках, начиная с IV в. (например: Суг. Н. Catech., 16, 8)². Изначально движение Монтана называли «Пророчеством» или «Новым пророчеством» (Euseb. Н.Е., V, 16, 1; Tert. De res. carn., 63, 9), а также «фригийской ересью» (Mart. Pion., 11, 2), а её приверженцев — «фригийцами» (Mart. Pion., 11, 2; Clem. Alex. Strom., IV, 93, 1; Hipp. Ref., X, 25) или «катафригийцами» (Eus. HE, V, 18, 1). Это обстоятельство важно тем, что подчеркивает профетический характер проповеди Монтана для современников. Тем не менее, в Северной Африке наряду с расколом Новациана и донатизмом монтанизм входил в число так называемых «дисциплинарных ересей». Представление о том, что все африканские ереси имели схожую природу имеет значительную поддержку в историографии³. Высказывался

* Исследование выполнено при поддержке РФНФ, проект № 11-31-00342a2 «Комплексное изучение раннехристианской агиографической литературы (II–IV вв.)».

¹ Среди классических работ, посвященных истории монтанизма см.: Labriolle P., de. Les sources de l'histoire du Montanisme: Textes Grecs, Latins, Syriaques. Suisse, 1913; Heine R. The Montanist Oracles and Testimonia. Macon, 1989; Trevett C. Montanism: Gender, Authority and the New Prophecy. Cambridge, 1996; Tabbernee W. Montanist Inscriptions and Testimonia: Epigraphic Sources Illustrating the History of Montanism. Macon, 1997.

² Tabbernee W. Montanist Inscriptions and Testimonia... P. 17.

³ О влиянии монтанизма на раскол Новациана и донатизм см.: Trevett C. Montanism... P. 219–221; Tabbernee W. Fake Prophecy and

также и тезис о тесной связи монтанизма с христианским ригоризмом и о том, что фригийская ересь объединила наиболее консервативные, аскетические, хилиастически настроенные круги христианского мира⁴. В исследованиях нередко встречается и обратное утверждение, когда те или иные проявления ригоризма формально связывают с монтанизмом⁵.

Целью данного исследования станет попытка уточнить, в какой степени в африканском монтанизме проявились специфические региональные черты, отличающие его от собственно «фригийской» ереси. Открытым остается вопрос, и о связи Нового пророчества с христианским ригоризмом, особенно с его радикальной формой — добровольного мученичества.

В известной мере трудность при изучении монтанизма порождена ситуацией с источниками. Так, сведения об основателе Нового пророчества и деятельности монтанистов во Фригии и других восточных областях известны преимущественно из ересиологических трактатов. Наиболее важные свидетельства содержатся у Евсевия и Епифания Кипрского, в трудах которых приводятся цитаты из оригинальных трактатов II–III вв.: Гая (Eus. HE, II, 25, 6–7; III, 31, 4), Аполлония (Eus. HE, V, 18), Аполлинария Гиерапольского, цитируемого Серапионом Антиохийским (Eus. HE, V, 19), а также Мильтиада и двух анонимных авторов (Eus. HE, V, 16–17; Eriph. Panag., 48)⁶. О появлении монтанизма Аполлинарий пишет следующее: «Есть в Мизии, на границе с Фригией, деревня Ардава. Говорят, что некий

Polluted Sacraments: Ecclesiastical and Imperial Reactions to Montanism. Leiden, 2007. P. 397.

⁴ Schaff P. History of the Christian Church. Vol. I: From the birth of Christ to the reign of Constantine, A.D. 1–311. New York, 1872. P. 362.

⁵ Frend W. H. C. Martyrdom and Persecution in the Early Church: A Study of a Conflict from the Maccabees to Donatus. Oxford, 1965. P. 267–268; North J. B. A History of the Church: From Pentecost to Present. Joplin, 1983. P. 92.

⁶ Marjanen A. Montanism: Egalitarian Ecstatic «New Prophecy» // A Companion to Second-Century Christian «Heretics» / Ed. A. Marjanen, P. Luomanen. Leiden, 2008. P. 185–186.

Монтан, из местных новообращенных (было это при Грате, проконсуле Асии), в безмерной страсти к первенству дал врагу войти в себя; одушевляемый им, придя внезапно в исступление, он начинал говорить нечто странное, пророчествуя вопреки обычаю Церкви, издавна и преемственно хранимому» (Eus. HE, V, 16, 7). Важным здесь является не столько враждебное отношение источников к «фригийцам», но то, что (поскольку основная их цель заключалась в представлении монтанизма как ереси) речь идет преимущественно о пророческой стороне учения Монтана, экстазах его сподвижниц и других практиках, отличных от традиции церкви II–III вв. Возможно поэтому мы в меньшей степени осведомлены об аскетической стороне учения на Востоке. Большинство оригинальных сочинений самих монтанистов оказалось утрачено, хотя, вне всякого сомнения, они существовали: во-первых, об этом сообщают Евсевий (Eus. HE, VI, 20, 3) и Ипполит Римский (Hipp. Naeg. VIII, 19, 1), а во-вторых, сохранились свидетельства об Иоанне Эфесском, преследовавшем монтанистов в VI в. и уничтожившем их обширную библиотеку⁷.

Для запада Империи ситуация несколько иная. Евсевий приводит, как принято считать, промонтанистское свидетельство о мучениках Галлии Eus. HE, V, 3–4); кроме того, значительный объём африканских свидетельств, положительно оценивающих Новое пророчество, известен благодаря многочисленным трактатам Тертуллиана. Некоторые практики сохранились и в «Мученичестве Перпетуи и Фелицитаты»⁸. Нет оснований полагать, что

⁷ Tabbernee W. *Montanist Inscriptions and Testimonia...* P. 35–38.

⁸ О принадлежности Перпетуи её товарищей к монтанизму см.: Barnes T. D. *Tertullian: A Historical and Literary Study*. Oxford, 1971. P. 63; Butler R. D. *The New Prophecy and «New Visions»: Evidence of Montanism in The Passion of Perpetua and Felicitas*. Washington, 2006. P. 103. — У. Френд более осторожно оценивает «монтанизм» Перпетуи, полагая, что для II в. достаточно сложно отделить монтанистов от остальных христиан (Frend W. H. C. *Blandina and Perpetua: Two Early Christian Heroines // Women in Early Christianity* / Ed. D. M. Scholer. New York, 1993. P. 94). —

африканские монтанисты не восприняли профетическую и хилиастическую стороны учения. Тертуллиан упоминает некую анонимную «сестру», которая «разговаривала с ангелами и иногда Господом», получала откровения и также принадлежала к Новому пророчеству (Tert. De anim., 9, 4). Откровения составляют значительный пласт «Мученичества Перпетуи и Фелицитаты», и далее уже без явной отсылки к Новому пророчеству входят в традицию христианской литературы Северной Африки. Юношу необычайного роста видит в пророческом сне накануне гибели Киприан Карфагенский (Pont. Vit. Сурр., 12, 3–8). Пророческие видения появляются в «Мученичестве Мариана и Иакова» (Pass. Mariani, 11) и «Мученичестве ветерана Типасия» конца III в. Трудно сказать, почему в Африке вместе с пророчествами не сохранились экстатические прорицания: потому ли, что, действительно, они более соответствовали темпераменту фригийцев или потому, что стали главной причиной осуждения монтанизма как ереси? Тем не менее, бесспорно, что жизнь африканских христиан была наполнена пророчествами, и истоки этого явления можно увидеть в монтанизме. Поскольку основной пласт источников по III в., так или иначе, восходит к жанру мученичества, то справедливо и представление о связи мученической кончины с пророчеством и, в конечном счете, с монтанизмом. Хотя можно предположить, что пророческие видения сопровождали и другие моменты жизни африканских христиан.

С точки зрения противников данной версии, речь идет о самобытной практике африканской церкви, лишь отчасти схожей с монтанистской (Weinrich W. C. Spirit and Martyrdom: Study of the Work of the Holy Spirit in Context of Persecution and Martyrdom in the New Testament and Early Christian Literature: Spirit and Martyrdom: Study of the Work of the Holy Spirit in Context of Persecution and Martyrdom in the New Testament and Early Christian Literature: Diss. theol., Universität Basel 1977. Washington, 1981. P. 236). Как отмечает Д'Але, пророческие видения не были уникальной чертой одних лишь монтанистов (D'Ales A. La Théologie de Tertullien / 3e ed. Paris, 1905. P. 443).

Оценки Нового пророчества в историографии различны. Так В. В. Болотов видел в монтанизме нечто среднее между ересями и расколами⁹. Отнести движение Нового пророчества к последним мешало то, что «эти сектанты развили свое, довольно своеобразное учение», отличное от гностического. Суть его — строгий ригоризм, отказ от любых контактов с греховным миром, возрождение эсхатологических ожиданий, заметно снизившихся к концу II в., а также утверждение избранности Параклетом тех членов церкви, которые сохранили высокую нравственную («апостольскую») чистоту. Это движение, по мнению В. В. Болотова, носило универсальный характер, и получило распространение в тех регионах, где оказался недоступен высокий интелектуализм гностиков, то есть в «захолустье»¹⁰. Аналогичной точки зрения придерживался и У. Френд, считавший, что монтанизм и идейно близкий ему донатазм получили развитие в регионах, наименее затронутых классической греко-римской культурой¹¹.

Универсалистский подход не разделяют авторы, видевшие в монтанизме региональную специфику¹². Сторонники этой концепции говорят об обособленной жизни фригийцев, их строгости в вопросах брака и, наконец, о их традиционной тяге к мистицизму¹³. Также в монтанизме пытались видеть развитие культа Кибелы, популярного во Фригии, а также влияние иудаизма, однако эти гипотезы не нашла

⁹ Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви / Репринт. Т. 2. СПб., 1910. С. 348.

¹⁰ Болотов В. В. Лекции... С. 351.

¹¹ Frend W. H. C. *The Donatist Church: A Movement of Protest in Roman North Africa*. Oxford, 1952. P. 59.

¹² Большинство исследований этого направления восходят к работе П. Лабриолля: Labriolle P., de. *La Crise Montaniste*. Paris, 1913. P. 3–5. — См. также: Johnson S. E. *Asia Minor and Early Christianity // Christianity, Judaism and other Greco-Roman cults: Studies for Morton Smith at sixty / Ed. by J. Neusner. Part 2: Early Christianity*. Leiden, 1975. P. 138–144.

¹³ Lightfoot J. B. *Lightfoot J. B. Saint Paul's Epistles to the Colossians and to Philemon: a revised text / 3rd ed.* London, 1879. P. 98.

поддержки в историографии¹⁴. Весьма вероятно, Новое пророчество явилось формой восприятия христианства, понятной малоазийцам. Изначально оно не было еретическим движением, его приверженцы были последовательными тринитариями¹⁵. По всей видимости, выйдя за пределы Фригии, монтанизм перестал быть единым движением. Сохранялись лишь общие представления об актуальности пророчества, возрождались эсхатологические настроения, ригористская этика, однако в других регионах Империи это движение получило самостоятельное развитие.

А. Донини видел в монтанизме не только религиозное, но и широкое социальное движение, связанное с подъемом социальных низов как против римского угнетения, так и против власти епископов, не способных, по их мнению, противостоять антихристианской политике римских властей. Жестокость преследований, добавлявшаяся к хроническому состоянию нищеты рабов и крестьян Фригии, где христианство приобрело многочисленных приверженцев, побудила массы увидеть в этих гонениях знамение неминуемого конца, который, быть может, лучше было бы встретить яростным мятежом, как предрекалось некоторыми древними христианскими писаниями. Епископальные власти, однако, смотрели на положение иначе. Все это толкало массы на возрождение революционного мессианизма первых времен христианства и на переоценку роли пророков, вопреки епископату¹⁶. Другие исследователи полагают, что ко времени Тертуллиана монтанизм в Азии уже приобрел черты движения, направленного против церковной иерархии¹⁷. Столь яркие полемические

¹⁴ Johnson S. E. *Asia Minor and Early Christianity...* P. 138.

¹⁵ Schepelem W. *Der Montanismus und die phrygischen Kulte: Eine religionsgeschichtliche Untersuchung.* Tübingen, 1929. S. 161–164.

¹⁶ Донини А. У истоков христианства: От зарождения до Юстиниана / Пер. с ит. И. И. Кравченко. М., 1979. С. 150–155.

¹⁷ La Piana G. *The Roman Church at the End of the Second Century. The Episcopate of Victor, the Latinization of the Roman Church, the Easter*

утверждения лишены, тем не менее, надежной поддержки источников. Так источники ничего не сообщают об устройстве общин самих катафрийцев.

К концу II в. монтанизм распространился по всему Средиземноморью, в частности, упоминания Нового пророчества Климентом Александрийским и Оригеном позволяет предположить, что оно достигло Египта (Strom., IV, 13, 93, 1; VII, 17, 108, 1; Orig. De princ. II, 7, 3)¹⁸. На Западе его центрами стали Лугдунум, Рим и Карфаген. Точных свидетельств о том, когда монтанизм появился в Северной Африке, не сохранилось. Отталкиваясь от того, что Перпетуя и её товарищи, пострадавшие в 203 г., были приверженцами Нового пророчества, исследователи обычно называют 80-е или 90-е гг. II в., то есть время, когда сам Монтан и его сподвижницы были уже мертвы¹⁹. Истоки африканского монтанизма столь же туманны, как и истоки христианской церкви в регионе. Наиболее точным в этой связи представляется предположение, что монтанизм попал в Африку не из Рима, а напрямую из Малой Азии.

Осуждение монтанизма как ереси не было последовательным. Евсевий приводит пример положительного отношения римского епископа к мученикам-монтанистам Галлии (Eus. HE, V, 4), Иреней защищает монтанистов от нападок тех, кто отрицает авторитет Евангелия Иоанна, а также самого пророческого дара, утвержденного ап. Павлом, Ипполит Римский также признает ортодоксальность экклезиологических, христологических взглядов монтанистов (Hipp. Naeg., VIII, 19, 2). Обвинения их в модализме, по всей видимости, носили локальный характер и касались только малоазийских «катафрийцев» (Hier., Ep., 41, 3). Это, в частности, подтверждается позицией Тертуллиана, который обвиняет в модализме Параксея. Иными словами, причины

Controversy, Consolidation of Power and Doctrinal Development, the Catacomb of Callistus // The Harvard Theological Review. 1925. Vol. 18. N. 3. P. 202–277.

¹⁸ Trevett C. Montanism... P. 46.

¹⁹ Trevett C. Montanism... P. 70.

по которым монтанизм был признан ересью, носили не догматический характер, а сводились к осуждению экстатических практик Монтана, Максимилы и Прискиллы. В значительной мере они получили распространение во Фригии и прилегающих регионах, поскольку, как представляется, восходили к традиционным религиозным практикам. Таким образом, становится понятно, почему монтанизм долгое время не был осужден на западе: во-первых, экстазы Монтана в полной мере разделяли лишь его фригийские единоверцы, в то время как за пределами Малой Азии пророчества монтанистов носили, очевидно, более умеренный как по форме, так и по содержанию характер, их проповедь носила аскетический характер, оставаясь в рамках традиционного учения и представлений о церковном устройстве; во-вторых, в отличие от церквей на Востоке, приверженцы Нового пророчества были весьма малочисленны, и поэтому не представляли такой серьезной угрозы, как, например, гностики и монархиане; наконец, исследователи отмечают невежество Виктора, не сумевшего распознать в монтанизме опасную ересь, а также его личный конфликт с восточными епископами в споре о Пасхе, в следствие чего он не поддержал их борьбу с фригийской ересью. Однако, на наш взгляд, не стоит забывать и то, что Виктор был выходцем из Северной Африки, а следовательно, как и Тертуллиан, мог разделять многие аскетические идеи Нового пророчества. Именно у африканцев и в Карфагене, и в Риме монтанизм не встретил осуждения. Уже при приемнике Виктора, Зеферине, в отношениях между монтанистами и римским епископом появляются значительные разногласия.

Отношение к мученичеству — важный для африканцев аспект христианской жизни, нашедший отражение в монтанизме. Как уже отмечалось, Новое пророчество появилось как профетическое движение. Насколько позволяют судить наши источники, в проповеди самого Монтана

и его ближайших последователей вопросам мученичества не уделялось особого внимания. Тем не менее, именно с монтанизмом связывают появление такого феномена в жизни церкви как добровольное мученичество²⁰.

Фригийцы упоминаются в одном из ранних текстов, «Мученичестве Поликарпа»: «Но некий фригиец по имени Квинт, недавно прибывший из Фригии, увидев зверей, убоился. А это был тот, который возбудил сам себя и некоторых других идти самовольно [на мучение]. Проконсул после многих убеждений склонил его поклясться и принести жертву» (Mart. Pol. 4). Оставив за рамками исследования дискуссию, являлся ли упомянутый «фригиец» монтанистом, заметим, что в нашем источнике он предстает антиподом смиренного епископа и других верных христиан. Зверям противостоит «мужественный Германик» (Mart. Pol. 3), а «чудный Поликарп» мужественно исповедует свою веру перед проконсулом и гибнет на костре²¹. В другом более позднем тексте также о событиях в Смирне — «Мученичестве Пиония» вновь появляются монтанисты: «Войдя [Пионий и его спутники. — А. К.], нашли заключенных пресвитера Вселенской Церкви по имени Лимн, и женщину Македонию

²⁰ Существует известная терминологическая проблема определения добровольного мученичества. Как замечает в этой связи Д. Боярин: «если мученическая смерть не добровольна, то это не мученическая смерть» (Boyarin D. *Dying for God: Martyrdom and the Making of Christianity and Judaism*. Stanford, 1999. P. 121). В данном случае под добровольным мученичеством понимается практика отличная от нормативной, то есть активное, необоснованное стремление к смерти вопреки традициям ранней церкви (Moss C. R. *The Discourse of Voluntary Martyrdom: Ancient and Modern* // *Church History*. 2012. Vol. 81. P. 531–551).

²¹ О принадлежности Квинта к монтанизму см.: Ronchey S. *Indagine sul Martirio di San Policarpo: Critica storica e fortuna agiografica di un caso giudiziario in Asia Minore*. Rome, 1990. P. 45–54, 67–78; Buschmann G. *Martyrium Polycarpi 4 und der Montanismus* // *Vigiliae Christianae*. 1995. Vol. 49. P. 105–145. — Противоположная точка зрения изложена в работах: Gibson E. *The «Christians for Christians» inscriptions of Phrygia: Greek texts, translation and commentary* // *Harvard Theological Studies*. 1978. Vol. 32. P. 131; Heine R. *The Montanist Oracles...* 1989. P. XII; Baumeister T. *Genese und Entfaltung der altkirchlichen Theologie des Martyriums*. Bern, 1991. P. XXV.

из селения Карины, и одного из приверженцев фригийской ереси по имени Евтихиан» (Mart. Pion., 11, 2). Здесь отношение автора «Мученичества» к еретикам весьма нейтрально, не сообщается ни о дальнейшей судьбе Евтихия, ни о причинах, по которым он оказался в заключении. Однако, как показывают современные исследования, тот факт, что он содержался вместе с другими христианами, свидетельствует о том, что он также был осужден по обвинению в христианстве²². Очевидно, в его поведении не было ничего предосудительного с точки зрения христианской практики, иначе это, несомненно, нашло бы отражение в нашем источнике. Таким образом, если монтанисты Смирны перед лицом мученичества чем-то и выделялись из числа ортодоксальных христиан, то отнюдь не яростным ригоризмом или стремлением к добровольному мученичеству.

Церковная история Евсевия также содержит ряд примеров «мучеников-монтанистов». Здесь стремление «фригийцев» к мученичеству подвергнуто наибольшей критике. Так, Аполлинарий с горечью заключает: «Они называли нас убийцами пророков, потому что мы не приняли их, не в меру болтливых пророков (это Господь, говорят он и, обещал их послать народу). Пусть же он и ответят нам перед Богом: есть ли из последователей Монтана, начиная с него и тех женщин, хоть кто-то, кого иудеи преследовали или беззаконники убили? Никого. Кто из них был взят и распят за имя христианина? Опять же никто. Была ли хоть одна из их женщин бичуема в синагогах иудейских или побита камнями? Нигде и никогда» (Eus. HE, V, 16, 12). Нередко монтанисты обманом пытаются заполучить венец мученичества: «Да и Фемисон был, конечно, прикрыт корыстолюбием: не желая терпеть мук исповедничества, он за большие деньги избавился от оков. Ему бы тут и почувствовать

²² Пантелеев А. Д. «Допустим, что темница даже христианам в тягость»: Мученик в тюрьме // Власть и культура: Сборник конференции памяти основателя Центра исторической психологии В. П. Денисенко (25 ноября 2006 г.). СПб., 2007. С. 92.

свое унижение, а он хвастливо объявил себя мучеником и осмелился, в подражание апостолу, составив соборное послание, поучать тех, кто верил правильнее его, завязывать пустые споры и хулить Господа, апостолов и Святую Церковь» (Eus. HE, V, 18, 5). В тех же случаях, когда монтанисты все же принимают мученичество, оно не освобождает их от ереси и не возвращает в лоно церкви: «если члены Церкви, призванные к мученичеству за истинную веру, встречаются с так называемыми «мучениками», последователями фригийской ереси, они держатся особо и умирают, не входя с ними в общение: они не хотят признавать духа, говорившего через Монтана и тех женщин» (Eus. HE, V, 16, 22). Наконец, нет достаточных оснований, чтобы утверждать, что за пределами Северной Африки были женщины-мученицы из монтанистов²³.

Иную ситуацию мы видим на Западе и, особенно, в Северной Африке. Евсевий сообщает, что мученики Галлии получили одобрение монтанизма от римского епископа Елевферия в конце II в., которое было дано с целью сохранения мира в церкви: «Возникли по этому поводу разногласия, и братья из Галлии, изложив собственное суждение, осторожное и вполне правоверное, извлекли еще письма разных мучеников, у них скончавшихся, которые те, беспокоясь о мире церковном, находясь еще в оковах, писали братьям в Азии и Фригии, а также Елевферию, тогдашнему Римскому епископу» (Euseb. H.E., V, 3, 4). Одной из причин, побудивших Елевферия принять положительное решение, несомненно, стало мужество лионских мучеников и исповедников. В «Мученичестве Перпетуи Фелицитаты» нет прямого обращения к монтанизму.

²³ Так, например, мученицу Агатонику рассматривают как последовательницу монтанизма: Lietzmann H. Die älteste Gestalt der Passio SS. Carpi, Papylae et Agathonices // Kleine Schriften. Berlin, 1958. S. 239–250; Friend W. H. C. Martyrdom and Persecution in the Early Church... P. 272. — Однако в настоящее время эти доводы признаны недостаточными. См.: Moss C. R. The Discourse of Voluntary Martyrdom... P. 542.

Тем не менее, Перпетуи и Сатуру посылаются пророческие видения. Во сне мученица поднимается по лестнице, очевидно, в Небесный Иерусалим, у основания которой извивается дракон, встретивший её седоволосый старец угощает девушку сыром (Pass. Perp., 4). Перпетуя и её товарищи мужественно исповедуют христианскую веру, гибнут на арене амфитеатра и, в результате, получают самую высокую оценку в христианской литературе Африки. Тертуллиан называет Перпетую «храбрейшей мученицей» (Tert. De Anim., 44, 4). Герой трактата Тертуллиана «О венце», легионер, отказавшийся надеть венки во время военного праздника и позднее осужденный как христианин, также ведет себя достойно во время допроса, и противопоставляется Тертуллианом другим христианам его легиона, которые глухи к Святому Духу и его пророчествам (Tert. De cor., 1)²⁴.

Из всех приведенных примеров можно заключить, на Востоке первостепенное значение имела, в первую очередь, ортодоксальность взглядов христианина. Принадлежность к тому или иному еретическому движению делала мученичество такого верующего недействительным. По сути, проводится простая мысль, что еретик не может стать мучеником. Этому способствуют и его собственная нетвердость в вере, и козни врага рода человеческого. В Африке, учитывая традиционный авторитет мучеников, получается обратная ситуация. Христианин исповедует свою веру и страданием смывает грехи все предыдущей жизни, в том числе и догматические заблуждения. Подобное обстоятельство во многом и объясняет сложившееся представление о связи монτανизма с христианским ригоризмом. Это предположение хорошо иллюстрируется эпиграфическими источниками. Как показывает У. Френд, в тех областях Северной Африки, где в большинстве своем обнаружены монτανистские надписи (Тимгад, обл. Большого Сирта

²⁴ Пантелеев А. Д. Христиане и римская армия от Павла до Тертуллиана // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 3. СПб., 2004. 425–426.

и пр.), одновременно фиксируется почитание апостолов-мучеников, и позднее здесь же значительное влияние приобретает донатизм²⁵.

Ещё один аспект, которого следует коснуться — это отношение монтанистов к семье и браку. Безусловно, на рубеже II–III вв. представления об этих вопросах ещё не были до конца сформулированы. Общим, пожалуй, было лишь признание первенства девства над браком. Стремление к телесной чистоте нередко приобретало формы девиации. Юстин сообщает о некоем христианине, который в попытках сохранить девство подал прошение александрийскому префекту Феликсу с просьбой разрешить врачам оскопить себя, чем изрядно напугал римского чиновника (Just. 1 Apol., 29). Получив отказ, христианин, тем не менее, не пал духом и в течение жизни сохранял телесную чистоту. В сообщениях о Новом пророчестве мы не встречаем подобных свидетельств. Указание Иеронима о том, что Монтан, будучи жрецом Кибелы, кастрировал себя, признано в настоящее время позднейшим преувеличением, да и сам основатель Нового пророчества нигде не транслирует идею сохранения девства (Hier. Ep., 41, 4)²⁶. Его спутницы Максимила и Прискилла были замужем и лишь «исполнившись духа» оставили своих мужей (Euseb. H.E., V, 18,3). Тот факт, что Аполлоний обвиняет Монтана, что тот именует их девами, может означать лишь, что в дальнейшем эти женщины вели добродетельную жизнь. Очевидно, замужней была спутница Перпетуи — Фелицитата. Об отношении к браку Тертуллиан пишет в трактате «О единособорачии», где говорит, что только еретики полностью

²⁵ Frend W. H. C. *The Memoriae Apostolorum in Roman North Africa // The Journal of Roman Studies*. 1940. Vol. 30. P. 40.

²⁶ Kraabel A. T. *Judaism in Western Asia Minor under the Roman Empire: With a preliminary study of the Jewish Community at Sardis, Lydia*. Harvard, 1968. P. 152; Frend W. H. C. *The Rise of Christianity*. Philadelphia, 1984. P. 253; Tabbernee W. *Montanist Inscriptions and Testimonia...* P. 17–18; Marjanen A. *Montanism...* P. 189.

отказываются от семейной жизни, тогда как «психики», то есть остальные христиане, допускают возможность второго брака, и лишь сторонники Нового пророчества строго придерживаются единобрачия (Tert. De mon., 1; 14; 15; De pudic., 1). Здесь его строгая позиция выделяется не только на фоне ортодоксальных христиан, но и монтанистов. В другом месте, в трактате «О бегстве во время гонения», он делает ещё одно важное уточнение, увещывая женщин умирать не на брачном ложе, а мученической смертью (Tert. De fug., 9).

Резюмируя вышесказанное, можно прийти к заключению, что монтанизм в Северной Африке обладал своими специфическими чертами. В первую очередь можно говорить об отличной от Фригии форме трансляции монтанистской проповеди, она была менее экстатичной, и как следствие в меньшей степени подвергалась осуждению. Сохранив свои основные черты: избранность «людей духа», строгое единобрачие, почитание Духа Утешителя, всплеск эсхатологических ожиданий, монтанисты почти не выделялись на фоне ортодоксальных христиан. Причиной тому было и то, что церковь в Карфагене ещё только формировалась. В Африке строгий аскетизм фригийцев претерпел некую трансформацию, и был дополнен, как представляется, особым почитанием мученичества. Именно в этом контексте уместно говорить о монтанизме как об основании последующих дисциплинарных ересей и расколов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Barnes T. D. Tertullian: A Historical and Literary Study. — Oxford: Clarendon Press, 1971. — 323 p.
2. Baumeister T. Genese und Entfaltung der altkirchlichen Theologie des Martyriums. — Berlin; Frankfurt/M.; New York; Paris; Wien: Lang, 1991. — 242 s.

3. Boyarin D. Dying for God: Martyrdom and the Making of Christianity and Judaism. — Stanford: Stanford Univ. Press, 1999. — 258 p.
4. Buschmann G. Martyrium Polycarpi 4 und der Montanismus // *Vigiliae Christianae*. 1995. Vol. 49. P. 105–145.
5. Butler R. D. The New Prophecy and «New Visions»: Evidence of Montanism in The Passion of Perpetua and Felicitas. — Washington: Catholic University of America Press, 2006. — 228 p.
6. D'Ales A. La Theologie de Tertullien / 3^e ed. — Paris: G. Beauchesne & Cie., 1905. — 551 p.
7. Frend W. H. C. Blandina and Perpetua: Two Early Christian Heroines // *Women in Early Christianity* / Ed. D. M. Scholer. New York, 1993. P. 167–177.
8. Frend W. H. C. Martyrdom and Persecution in the Early Church: A Study of a Conflict from the Maccabees to Donatus. — Oxford: Blackwell, 1965. — 625 p.
9. Frend W. H. C. The Donatist Church: A Movement of Protest in Roman North Africa. — Oxford: Oxford University Press, 1952. — 376 p.
10. Frend W. H. C. The Memoriae Apostolorum in Roman North Africa // *The Journal of Roman Studies*. 1940. Vol. 30. Pr. 1. P. 32–49.
11. Frend W. H. C. The Rise of Christianity. — Philadelphia: Fortress Press, 1984. — 1022 p.
12. Gibson E. The «Christians for Christians» inscriptions of Phrygia: Greek texts, translation and commentary // *Harvard Theological Studies*. 1978. Vol. 32. P. 166–171.
13. Heine R. The Montanist Oracles and Testimonia. — Macon: Mercer UP, 1989. — 206 p.
14. Johnson S. E. Asia Minor and Early Christianity // *Christianity, Judaism and other Greco-Roman cults: Studies for Morton Smith at sixty* / Ed. by J. Neusner. Part 2: Early Christianity. Leiden: Brill, 1975. P. 138–144.
15. Kraabel A. T. Judaism in Western Asia Minor Under the Roman Empire: With a Preliminary Study of the Jewish Community at Sardis, Lydia: a Thesis. — Harvard: Harvard University, 1968. — 518 p.
16. La Piana G. The Roman Church at the End of the Second Century. The Episcopate of Victor, the Latinization of the Roman Church, the Easter Controversy, Consolidation of Power and Doctrinal Development, the Catacomb of Callistus // *The Harvard Theological Review*. 1925. Vol. 18. N. 3. P. 202–277.
17. Labriolle P., de. La Crise Montaniste. — Paris: Lerouxux, 1913. — 627 p.

18. Labriolle P., de. Les sources de l'histoire du Montanisme: Textes Grecs, Latins, Syriaques. — Suisse: Libr. de l'Univ., 1913. — 420 p.

19. Lietzmann H. Die älteste Gestalt der Passio SS. Carpi, Papy-lae et Agathonices // Kleine Schriften // Studien zur spätantiken Reli-gionsgeschichte. Berlin, 1958. S. 239–250.

20. Lightfoot J. B. Saint Paul's Epistles to the Colossians and to Philemon: a revised text / 3rd ed. — London: Macmillan & Co, 1879. — 452 p.

21. Marjanen A. Montanism: Egalitarian Ecstatic «New Proph-ecy» // A Companion to Second-Century Christian «Heretics» / Ed. A. Marjanen, P. Luomanen. Leiden; Boston, 2008. P. 185–212.

22. Moss C. R. The Discourse of Voluntary Martyrdom: Ancient and Modern // Church History. 2012. Vol. 81. P. 531–55.

24. North J. B. A History of the Church: From Pentecost to Pres-ent. — Joplin: College Press, 1983. — 190 p.

25. Ronchey S. Indagine sul Martirio di San Policarpo: Critica storica e fortuna agiografica di un caso giudiziario in Asia Minore. — Roma: Istituto Storico Italiano per il Medio Evo, 1990. — 240 p.

26. Schaff P. History of the Christian Church. Vol. I: From the birth of Christ to the reign of Constantine, A.D. 1–311. — New York, 1872. — 596 p.

27. Schepelem W. Der Montanismus und die phrygischen Kulte: Eine religionsgeschichtliche Untersuchung. — Tübingen: Mohr, 1929. — 225 s.

28. Tabbernee W. Fake Prophecy and Polluted Sacraments: Ecclesiastical and Imperial Reactions to Montanism. — Leiden: Brill, 2007. — 522 p.

29. Tabbernee W. Montanist Inscriptions and Testimonia: Epi-graphic Sources Illustrating the History of Montanism. — Macon: Mercer Univ. Press, 1997. — 762 p.

30. Trevett C. Montanism: Gender, authority and the New Proph-ecy. — Cambridge: Cambridge University Press, 1996. — 299 p.

31. Weinrich W. C. Spirit and Martyrdom: Study of the Work of the Holy Spirit in Context of Persecution and Martyrdom in the New Testament and Early Christian Literature: Diss. theol., Universität Basel 1977. — Washington: University Press of America, 1981. — 334 p.

32. Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви / Репринт. Т. 2. — СПб.: Типография М. Меркушева, 1910. — 491 с.

33. Дониани А. У истоков христианства (от зарождения до Юстиниана) / Пер. с итал. И.И. Кравченко под общ. ред. И. С. Свенцицкой. — М.: Политиздат, 1979. — 386 с.

34. Пантелеев А. Д. «Допустим, что темница даже христианам в тягость»: Мученик в тюрьме // Власть и культура: Сборник конференции памяти основателя Центра исторической психологии В. П. Денисенко (25 ноября 2006 г.). СПб., 2007. С. 87–101.

35. Пантелеев А. Д. Христиане и римская армия от Павла до Тертуллиана // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. Вып. 3. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2004. С. 425–426.